

Сефербеков Руслан Ибрагимович

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ БУРКУН-ДАРГИНЦЕВ

В статье дается описание мифологических персонажей одной из этнических групп даргинцев – буркун-даргинцев. Несмотря на многовековое исповедание ислама, мифы, праздники, обряды, обычаи, верования, жанры фольклора, лексика и фразеология буркун-даргинцев продолжают устойчиво сохранять отголоски верований в персонифицированные образы небесных светил, атмосферных явлений, богов и демонов бывшего языческого пантеона и пандемониума даргинцев. Как считают авторы, причиной такой консервации реликтов домонотеистических верований являются особенности менталитета даргинцев, устойчивость традиций, авторитет старейшин – главных носителей традиционной духовной культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/46.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 10 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 178-181. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/10-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

CRIMINOLOGICAL ANALYSIS OF INTENTIONAL DESTRUCTION OR DAMAGING ANOTHER'S PROPERTY (BY MATERIALS OF VOLGOGRAD REGION)

Semenenko Grigorii Mikhailovich

*Volgograd Academy of Ministry of Home Affairs of Russia
grigorii_001@mail.ru*

The article analyses crime rate connected with intentional destruction or damaging another's property in Volgograd region and the Russian Federation. The author defines the tendencies and regularities of this crime kind. The research presents a comparative analysis of the enumerated characteristics recorded in Volgograd region and the Russian Federation. The author shows possible prognostic scenarios of crime development connected with intentional destruction or damaging another's property for a near-term prospect.

Key words and phrases: crime; characteristics; destruction; damaging; property; regional specific features; tendencies; regularities; prognosis.

УДК 93/94

Исторические науки и археология

В статье дается описание мифологических персонажей одной из этнических групп даргинцев – буркун-даргинцев. Несмотря на многовековое исповедание ислама, мифы, праздники, обряды, обычаи, верования, жанры фольклора, лексика и фразеология буркун-даргинцев продолжают устойчиво сохранять отголоски верований в персонифицированные образы небесных светил, атмосферных явлений, богов и демонов былого языческого пантеона и пандемониума даргинцев. Как считают авторы, причиной такой консервации реликтов домонотеистических верований являются особенности менталитета даргинцев, устойчивость традиций, авторитет старейшин – главных носителей традиционной духовной культуры.

Ключевые слова и фразы: мифология; буркун-даргинцы; божества; демоны; обряды; обычаи; верования.

Сефербеков Руслан Ибрагимович, д.и.н.

*Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук
ruslan-seferbekov@rambler.ru*

Исрапилова Зарема Анваровна

*Дагестанский государственный технический университет
ruslan-seferbekov@rambler.ru*

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ ТРАДИЦИОННЫХ ВЕРОВАНИЙ БУРКУН-ДАРГИНЦЕВ[©]

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-01-00079.

Несмотря на то, что буркун-даргинцы, как и другие даргинцы, исповедуют мусульманскую религию вот уже несколько столетий (исламизация даргинцев продолжалась с конца X по XIV в.) [7, с. 11], в их традиционной духовной культуре сохранились следы домонотеистических верований. Источниками этих верований служат мифы, обычаи, обряды, праздники, жанры фольклора, лексика и фразеология. Определенное место в духовной культуре занимали пережитки домонотеистических верований, которые проявлялись, например, в календарных и аграрных праздниках, обрядах вызывания дождя и солнца, родильных и свадебных обрядах, обычаях взаимопомощи, гостеприимства и куначества. К реликтам этих верований относится вера в мифологические персонажи былого языческого пантеона и пандемониума даргинцев. Причины сохранения отголосков ранних форм религий в традиционной духовной культуре даргинцев, на наш взгляд, кроются в устойчивости традиций, авторитете старейшин (главные носители традиций), особенностях их менталитета. Определенную лепту в сохранении реликтов прежних форм верований внесла, как это ни странно, мусульманская религия, которая на первых порах была воспринята горцами поверхностно. Мусульманство поглотило или законсервировало многие языческие культы и верования, придав им синкретический характер так называемого «народного ислама». Подобная трактовка ислама встречается в наше время ожесточенное сопротивление религиозных экстремистов, ратующих за возврат к «чистому», ортодоксальному исламу.

Наиболее зримо реликты ранних форм религии проявляются в мифологии буркун-даргинцев. В их космогонических представлениях персонифицированные небесные светила – солнце («бари») и луна («бац») – олицетворялись в образах соответственно девушки («фирси») и юноши («гали»). Сохранились мифы, повествующие о любовных отношениях между ними. Пятна на лице луны трактовались как следы от комьев земли, брошенных в месяц солнцем во время их спора – кто из них красивей и кому светить днем, а кому – ночью.

[©] Сефербеков Р. И., Исрапилова З. А., 2013

Сохранились также некоторые верования, связанные с радугой, которая в различных селениях буркун-даргинцев называлась по-разному: в с. Дирбаг и с. Амух – *Идбагла тимави* («Круг ангела») [1, д. 897, л. 62], в с. Ашты – *Идбагла тильхьи* («Дуга ангела»), в с. Кунки – *Ци хяб* («Новая могила»), в с. Худуц – *Цабла дирхья* («Небесная палка»). Как это видно, радуга в мифологии буркун-даргинцев трактовалась как образ связи разных точек сакрального пространства. В приведенных примерах (круг, дуга, палка) радуга трактуется как небесный мост, направленный не по горизонтали, а по вертикали, и который «соединяет землю с небом», «человека с богом, низ с верхом» [5, с. 177]. В этом контексте мост соотносится и изофункционален *древу мировому* – мифопоэтическому образу, воплощающему универсальную концепцию мира. Особая роль древа мирового определяется тем, что оно (как и мост) «выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом) и является местом их пересечения» [4, с. 405].

Буркун-даргинцы считали, что если сумеешь пройти под радугой, станешь богатым (с. Худуц), волосы поседеют (с. Ашты), мужчина обратится в женщину и, наоборот (с. Кунки) [1, д. 897, л. 62], человек превратится в животное (с. Худуц). В с. Ашты считали, что если человек пройдет под радугой, он поседеет или же поседеет его левая бровь. Назывались даже конкретные личности, у которых в 1920-х гг. после прохождения под радугой якобы поседела левая бровь – Усов Муса и Гилалов Магомед.

По преобладанию того или иного цвета в радуге судили о будущем урожае. Так, если в радуге преобладал зеленый цвет, считали это предзнаменованием хорошего урожая зерновых, а если красный – к засухе. Такие же метеорологические приметы имелись и в отношении расположения концов радуги по сторонам света. Если концы радуги были обращены на юг, то это было приметой хорошей погоды, а если на север – к дождю [Там же], если же один конец радуги находился в реке, полагали, что будет засуха, а если оба конца упирались в сушу – то это к дождливой погоде.

Детям не разрешали купаться в реке, если один из концов радуги находился в воде – заболеешь. Если в момент смерти какого-либо человека на небе появлялась радуга, верили, что умирающий попадет в рай. Если же радуга появлялась в момент рождения какого-либо ребенка, то считали, что из него впоследствии вырастет предводитель воинов («батыр») (с. Ашты).

Если при ярком солнце вдруг начинал идти дождь, и на небе появлялась радуга, говорили, что «лис женится» [Там же], «лиса справляет свадьбу» («куртали мехь биркью») (с. Худуц) или просто обозначали это необычное метеорологическое явление словами «кутала михь» («лисья свадьба») (с. Ашты).

Сохранились верования, связанные и с другими атмосферными явлениями – громом и молнией. Так, в некоторых селениях их не разграничивали, а обозначали одним понятием *къкью-няр* (с. Кунки), *къкью-лямцI* (с. Худуц). В с. Ашты гром называли *къкью*, а молнию – *къкью-лямцI*, *цIалипан*. Интересно отметить, что в окрестностях с. Ашты имелась местность, которую в связи с частыми попаданиями в нее молний называли «Цабла цIа кадухьнала» («Место, куда попадает молния»). В этом же селении имеются и другие достопримечательности. Например, в нескольких километрах к югу от села находится местность «КIаразла муда». Говорят, что если сумеешь заснуть в этой местности, то во сне увидишь суженого, поэтому чаще всего туда отправлялись холостые юноши и девушки.

Буркун-даргинцы полагали, что звуки грома происходят из-за грохота, который издавал «небесный ангел», кативший *муккур* – каменный каток для укачивания крыши (с. Худуц). Поражение человека или скотины молнией объясняли ударом небесного огня. В народе считали, что молния убивает грешников.

Во время грозы, сопровождавшейся выпадением града и ливня, для их приостановления во двор выбрасывали золу, очажный треножник, стреляли в грозовую тучу из ружья, устанавливали топор острием вверх (с. Кунки). В с. Ашты полагали, что градовую тучу ведет за собой жена шайтана («шетIанна хьунул») и для того чтобы ослепить ей глаза, в сторону тучи бросали очажную золу. В этом же селении для предотвращения града, ливней и затяжных дождей использовали особые сосновые дощечки («укуул»), на которых угольками писали *аяты* из Корана. Процессия детей во главе с муллой втыкала эти дощечки на возвышенностях по периметру вокруг села. Дети при этом напевали песенку следующего содержания:

*Барии биккар, Солнца хотим,
Бац биккар, Луну хотим,
Я, Аллагь! О, Аллах!*

Обряд завершался раздачей жертвенных лепешек.

Олицетворением божества дождя был ряженный *мархьусай*. В его роли обычно выступал мальчик или подросток, которого раздевали догола и рядили в древесные ветви, стебли кустарников и травы. По данным М. А. Магомедовой, в с. Кунки ряженным был слепой мужчина, которого окутывали соломой и посыпали золой. Его водили по селу мальчишки 14-15 лет [3, с. 92]. По ее мнению, ряженные *мархьусай* у буркун-даргинцев, а также *палтар хьярчи*, *хьярчи*, *цаблихIян*, *шинхьяр* у других даргинцев являются олицетворениями образов древних божеств дождя, каковыми, видимо, были *Вассамай* и *Забурай*.

Ряженные у буркун-даргинцев участвовали и в других обрядах и праздниках. Как и другие горцы Дагестана, весной буркун-даргинцы отмечали праздник первой борозды *хьу бяхIруми*. Во время следования к месту проведения первой борозды «старший пахарь» («хула хьубзар») раздавал всем встречным атрибуты культуры плодородия – треугольные лепешки *кьяна*, начиненные сыром и обмазанные сверху смесью меда, топленого масла и толочка («чиббакала»). Помимо лепешек большое место в ритуальной пище этого праздника занимали баранки *уригар* (с. Ашты) / *кьучча* (с. Худуц), которые надевали на ярмо и рога быков, при помощи

которых проводили первую борозду. Эти же баранки служили и призами для победителей спортивных соревнований праздника. К ритуальным же хлебам в с. Ашты относились и печенья *цукъкека*, которым придавали форму сосуда и в таком виде запекали в печи. После выпечки их заполняли мучной халвой *бакъухъ*. В с. Кунки на этот праздник выпекали хлебы *гьулугълай* из слоеного теста и пирог *къукъбай*, начиненный мясом, творогом, яйцами, жиром. Все эти виды ритуальной пищи также были связаны с плодородием.

Главным актом праздника было проведение «старшим пахарем» ритуальной борозды. Пахарь был одет в шубу, вывернутую мехом наружу, что символизировало густые всходы зерновых. В момент проведения борозды его обливали водой, забрасывали комьями земли. Затем проходили спортивные состязания – скачки, бег, борьба, метание камней, бои быков, травля собак и т.п. Обязательными участниками этого праздника были ряженные *хъярчи*, которых можно рассматривать в качестве персонификаций календарных и аграрных божеств, связанных с культом плодородия.

Другими популярными календарными праздниками буркун-даргинцев были праздники сбора съедобных трав – черемши («зурбанти») и конского щавеля («сусупи»). Большую роль в этих праздниках также играли ряженные *зангар хъярчи* и *ната хъярчи*. *Зангар хъярчи* был организатором и распорядителем праздника *зурбанти*. К обоим его плечам пришивали по два колокольчика, которые при ходьбе издавали звон. В руках он держал палку («дигъян»), к которой привязывали несколько разноцветных платков (с. Ашты). Ряженные *хъярчни* участвовали и в весеннем празднике *мурсела*, связанном с хождением девушек и женщин за побегами березы, из которых готовили веники. Во время праздника ряженные всячески веселили публику. Они разговаривали между собой измененными голосами и старались быть неузнанными. В руках они держали сделанную из березовых веток метлу («бушкала») (с. Худуц). Этим ряженных можно рассматривать в качестве олицетворений образов божеств-покровителей растительности (в том числе и съедобных трав).

Определенное место в мифологии буркун-даргинцев занимала вера в демонические персонажи. Домовой назывался *Сигъитти*. Его представляли в среднем роде, к которому даргинцы относят животных и неодушевленные предметы. Его описывали следующими фразами: тяжелый (с. Кунки, с. Ашты), мягкий, волосатый (с. Ашты), бесплотный, неопределенного облика (с. Кунки). Он обитал якобы в одном из углов жилого помещения (с. Ашты) или в заброшенных и разрушенных постройках (с. Кунки). Появлялся домовый ночью, проникая в жилище через дымоход (с. Ашты). Передвигался по дому он бесшумно. Проникнув в жилище, *Сигъитти* наваливался на спящих на спине мужчин и душил их своей тяжестью, что считалось хорошей приметой – к добру, к изобилию («баракат») (с. Ашты), являлось предзнаменованием удачи («ризкьи») (с. Кунки). Контакт с домовым люди описывали следующими словами: «*Сигъитти* чикабисунни» («*Сигъитти* навалилось»).

Несмотря на в целом позитивный образ домового (контакт с ним сулил добро, изобилие и удачу), люди стремились избежать встречу с ним. Для того чтобы оградить себя от визитов *Сигъитти*, перед сном читали мусульманские молитвы (с. Ашты), под подушку клали кинжал, нож, ножницы, а под дверной порог – подкову (с. Кунки).

Верили буркун-даргинцы и в существование «домовой змеи», которую в с. Ашты и с. Кунки называли *Мусалла багъ* («Хозяин места»), а в с. Худуц – *Мулкла малгун* («Змея-хранительница собственности»). Ее представляли в облике змеи черного цвета с ушами (с. Кунки) или с желтыми или красными пятнами на голове (с. Ашты), или же с узорами на спине (с. Худуц), обитавшей в фундаменте (с. Кунки), стене жилища (с. Ашты) или же в хлеву (с. Худуц). Длинной она была с два локтя. Человеку «домовая змея» вреда не причиняла (с. Худуц). Она редко показывалась на глаза людям. Говорят, что иногда было слышно, как «домовая змея» шипит, шуршит, издает звуки подобные мышьиному писку (с. Кунки). С «домовой змеей» связывали и некоторые приметы: если увидеть ее в жилище – это к смерти кого-либо из членов семьи, если же ее убить – к несчастью (с. Кунки, с. Ашты). Ее называли еще «врагом *Аллаха*» («*Аллагъла душман*») (с. Кунки). Некоторые очевидцы утверждали, что видели, как эта змея выдаивала молоко у коров и овец в хлеву (с. Кунки) или же вылизывала до красна кожу на ногах, спине и других частях тела у молодняка скота (с. Ашты). Если хозяйка замечала, что у их скота на коже отходит шерсть и появляются залысины, то они считали, что этих животных полизала *Мулкла малгун* (с. Худуц). Для того чтобы воспрепятствовать этому, змее в разных местах хлева (углы, дыры в стене) клали мед (с. Ашты) или лепешки *къучни*, обмазанные сверху курдючным салом (с. Худуц). В с. Ашты мед для змеи клали и в тех случаях, если ее видели у родника «Чимаци хъунила къулла» («Родник по дороге в лес Чимаци»). В том случае, когда домочадцы случайно наткнулись на «домовую змею» в хлеву или сарае, то для того чтобы предотвратить несчастье, связанное с ней, брали чашку, клали в нее тлеющий кизяк, сушеный чабрец («гинге»), бараний жир («хули») или топленое масло («нерх») и дымом этой смеси окуривали эти помещения, что можно расценивать и как своеобразное жертвоприношение змее. Помимо этого в хлеву или в сарае клали под притолоку или в одном из углов помещения творожный пирог («магашла чутту») или пирог, начиненный зеленью («къарла чутту»), обильно смазанный топленным маслом и посыпанный сверху толченым (с. Кунки). В с. Ашты для лучшего окота скота весной и осенью тонкие лепешки *хъамкла*, обмазанные сверху медом, клали под притолоку в хлеву как жертвоприношение «домовой змее».

Следует отметить, что одно из названий «домовой змеи» у буркун-даргинцев – «Хозяин места» находит свои аналогии в образе осетинского домового *Бынаты хицау*, который также являлся «господином», «хозяином места» [6, с. 18-20]. То обстоятельство, что локусом обитания «домовой змеи» служил хлев, где она выдаивала скот или зализывала у него кожу докрасна и куда ей клали жертвенные продукты, может свидетельствовать о том, что в ее облике воплотились отдельные черты мифологического персонажа, связанного с покровительством домашнему скоту.

Ведьма у буркун-даргинцев называлась *Аьржун-бьажук*. По поверьям, у нее седые космы, длинные груди, которые она при ходьбе забрасывала за плечи. На руках и ногах у ведьмы были длинные когти, а во рту – острые зубы, которые она иногда подтачивала. Обитала она в лесу или в пещере. По рассказам, ведьма набрасывалась на мужчин и женщин, ведущих несправедливый образ жизни, и пожирала их. Ею пугали детей: «*Аьржун-бьажук* сакьунни!» («*Аьржун-бьажук* придет!»). Говорят, что *Аьржун-бьажук* побаивалась вооруженных холодным и огнестрельным оружием мужчин, а также огня. Оберегами от ведьмы служили сера, подкова, острые и колющие предметы (кинжал, нож, ножницы), которые клали под изголовье (с. Ашты).

Из персонажей мусульманской мифологии у буркун-даргинцев имелось представление о райской гурии – *хьурианна хьунул* (с. Ашты), *хьурлаглин* (с. Кунки). К демоническим персонажам этой мифологии относились джинны – *жидри* (в ед.ч. – *жид*) и шайтаны – *шумланте* (в ед.ч. – *шумлан*) (с. Кунки), *шайманте* (в ед.ч. – *шайман*) (с. Худуц). Буркун-даргинцы верили, что нечистая сила может принимать облик людей. Полагали, что она чаще всего водится на мельнице. Что удивительно, джинны иногда помогали людям. Рассказывают, что некоему Али джинны помогли на мельнице быстро смолоть мешок муки и попросили его никому об этом не рассказывать. Долгое время жена Али выпекала из этой муки хлеб и готовила *хинкал*, но мука при этом не иссякала. Однажды Али не удержался и рассказал о случившемся своим друзьям, и мука тут же исчезла (с. Худуц).

Когда ребенок улыбался во сне, полагали, что это добрый джинн заставляет его улыбаться, играясь с ним. Верили также, что злые джинны могли украсть плод из утробы матери. Говорят, что такое произошло в прошлом с некоей Залихой из с. Худуц.

Таким образом, представленный материал демонстрирует богатство обрядовой и духовной культуры буркун-даргинцев, устойчивость их домотеистических верований. Эти верования донесли до нас образы мифологических персонажей, составлявших в прошлом пантеон и пандемониум буркун-даргинцев.

Список литературы

1. Курбанов М. Ю. Буркун-Дарго. История, культура, быт: прошлое и настоящее. 2001 г. // Рукописный фонд Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра Российской академии наук (РФ ИИАЭ ДНЦ РАН). Ф. 3. Оп. 3.
2. Магомедова М. А. Календарные обряды даргинцев (XIX – нач. XX в.). 1986 г. // РФ ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 3. Оп. 3.
3. Магомедова М. А. Обряды вызывания дождя у даргинцев // Календарь и календарные обряды народов Дагестана. Махачкала, 1987. С. 89-98.
4. Топоров В. Н. Древо мировое // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. 2-е изд. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 398-406.
5. Топоров В. Н. Мост // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. 2-е изд. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. С. 176-177.
6. Чурсин Г. Ф. Осетины: этнографический очерк. Тифлис, 1925. 103 с.
7. Шихсаидов А. Р. Распространение ислама в Дагестане // Ислам и исламская культура в Дагестане. М.: Вост. лит. РАН, 2001. С. 4-32.

MYTHOLOGICAL CHARACTERS OF BURKUN-DARGINS' TRADITIONAL BELIEFS

Seferbekov Ruslan Ibragimovich, Doctor in History

Institute of History, Archeology and Ethnography of Dagestan Scientific Center of Russian Academy of Sciences
ruslan-seferbekov@rambler.ru

Israpilova Zarema Anvarovna

Dagestan State Technical University
ruslan-seferbekov@rambler.ru

The article describes the mythological characters of one of the Dargins ethnic groups – the Burkun-Dargins. Despite the centuries-old confession of Islam, the myths, festivals, rituals, customs, beliefs, folklore genres, vocabulary and phraseology of the Burkun-Dargins continue to maintain the stable echoes of beliefs in the personalized images of heavenly bodies, atmospheric phenomena, the deities and demons of the past pagan pantheon and pandemonium of the Dargins. According to the authors, the reasons of such preservation of the relics of pre-monotheistic beliefs are the features of the Dargins' mentality, the stability of traditions, the authority of the elders – the main bearers of the traditional spiritual culture.

Key words and phrases: mythology; the Burkun-Dargins; deities; demons; rituals; customs; beliefs.